

ДЯДЯ ВАНЯ.

Сценка из деревенской жизни, в 4-х
актах, А. Чехов.

(Художественно-исполнительный театр).

Если принять на веру, что отставной профессор Александр Владимирович Серебряков мог в действительности в течение 25 лет самых грубых образом обманывать всех своей мнимой ученостью, писать статьи об искусстве, «ровно ничего не понимая в искусстве», и писать так, чтобы дядя Ваня, человек несомненно умный и образованный, мог «вспли мышления и чувств» принадлежать ему одному, думать говорить о нем, с благоговением провозносить его имя, считать его «сущностью высшего порядка» и noch провоздвигать за чтение написанных профессором статей, выучивая их наизусть; если принять на веру, что носил 25 лет, когда профессор вынужден был отставку, у всех вдруг, почему-то неизвестно, открылась глаза, и все увидели, что этот полюбившийся всем дядя «старый сучар», «ученая вола», что он «маленький личиной» профессора, ученого лица прятал свою бездарность, тупость, свое возмущенное безсердечие, — если, наконец, принять все это на веру и не требовать от автора доказательств того, как произошло это превращение вола-бога в «ученую вола», то драма, переживаемая действующими лицами сцен из деревенской жизни «Дядя Ваня», становится для нас непонятной, и вся сцена третьего действия не только не приводит нас к какой-либо впечатлительной недоумительности, но мы всей душой присоединяемся к страданиям Соии, Елены, к мучкам душевным дяди Вани и прощаем ему не только неудачливые покушения на убийство этого «ученого сучара», но даже и убийство его, этого же-пророка, своим живым учением растленье вносного, душу живую загубившего в своей дочери Соии, и дяди Вани, и всех тех, очевидно, которые, подобно Соии и дяде Ване, в течение 25 лет поклонялись этому волау...

Но почему — да мы принять на веру это невероятное, необъяснимое нам крушение веры в гений вола-бога? Не можем и не хотим права. А между тем автор сцен не одних словом не объясняет нам этой мучительной загадки. «Я гордился им, — говорит дядя Ваня, — а его нулей, а жал, а думал им! Все, что он писал и изрекал, казалось мне гениальным... Боже, а теперь? Вот он в отставке, и теперь виден весь этот его жван: покал нето не останется ни одной странички труда, он

совершенно неизвестен, он ничто Милый нузырь!»

Вот сущностное объяснение совершившегося переворота: «он в отставке». Неужели же в самом деле один факт «отставки» мог открыть глаза оскорбленным людям?

Мучительный, тяжелый вопрос так и остается вопросом...

А раз это так, то не иначе, как откровенно, не иначе, как с чувством глубокого недоумения выслушивать мы гитаны, безумные рчи дяди Вани в третьем акте, с недоумительным слухом мы выстрел за сценой и еще с большим недоумительным видом, как дядя Ваня, уже не сцен, второй раз пьет в этого ходячего каменца — отставного профессора и второй раз стреляет в него. За что?

Совершенно права жена профессора, когда она говорит дяде Ване: «Немного Александр не за что, он такой же, как все. Не хуже нас». И это верно. Таких, каких была профессор Серебряков до отставки, мы его не знаем, но тот Серебряков, которого рисует нам автор после отставки, право же, ничего достойного не вызывает. Он этого до мозга костей — вот та самая строгая характеристика, которую мы можем сделать, выслушав всю пьесу. Он любит, чтобы ему поклонялись, он влюблен в самого себя, но, Боже мой, раз это не свойственно человеку, которому неустанно кадил в течение четверти столетия и которого при жизни возводили на пьедестал? Этого стоить и себялюбивый он был и раньше, всю свою жизнь.

Во всяком случае, не на этой почве могла вырваться та глубокая духовная драма, которая захватывает всех жителей усадьбы Серебрякова и доводит одного из них до нервного выстрела.

Хотя произведение Ант. Чехова должно быть всем известно, но для ясности дальнейшего изложения приведем в основных чертах содержание сцен из деревенской жизни «Дядя Ваня».

Профессор в отставке Александр Владимирович Серебряков, женатый вторым браком на молодой женщине Елене Андреевне, приезжает с ней на житье в свою усадьбу, впрямь, в усадьбу, принадлежавшую его первой жене. Приезд их вносит в мирную жизнь жителей усадьбы, выражаясь словами одного из действующих лиц, «разрушение».

Вот как характеризует это «разрушение» главный герой «сцен» дядя Ваня: «С тех пор, как здесь живет профессор со своей супругой, жизнь выбалас из колес... Сплю не во время, за завтраком и обидом так разные кабулы, как вина... Недорого все это! Прежде минуты свободной не было, и я Соии работал — кое по-

чение, а теперь работает один Соня, а я сплю, їж, ѡѡ... Нехорошо!»

Недоволенъ дядя Ваня, недовольна Соня, дочь профессора отъ перваго брака, недовольна Марина, старая няня. — ей приходится во вторыхъ часу ночи будить людей и ставить самоваръ для профессора, недовольны и самъ профессоръ, и его молодая жена Елена Андреевна. Обращаясь къ дядѣ Ванѣ, она такъ говоритъ объ обществѣ на-строении, царящемъ въ усадьбѣ: «Не-благополучно въ этомъ домѣ. Ваша мать ненавидитъ все, кромѣ своихъ брошюръ и профессора; профессоръ раздраженъ, мнѣ не ѡприть, вась боится; Соня злится на отца, злится на меня и не говоритъ со мной вотъ уже двѣ не-дѣли; вы ненавидите мужа и открыто презираете мать; я раздражена и сего-дня разъ двадцать принималась плакать... Неблагополучно въ этомъ домѣ».

Да, неблагополучно. И агонистичный проситъ профессора уйти отъ этой не-благополучной обстановки, — продать имѣніе, приносящее всего два про-цента доходу и купить процентныя бу-маги, приносящія 5%, — приводитъ къ взрыву. Дядя Ваня въ бѣшенствѣ стрѣ-ляетъ въ профессора, но, къ счастью, промахивается. Благодаря, однако, этому неудачному выстрѣлу, наступаетъ все-таки развязка. Профессоръ съ женой уѣзжаютъ, а дядя Ваня съ Соней садится вновь за работу; жизнь безъ радостей, прер-ванная минутной вспышкой страсти, опять захватываетъ своей гнетущей ру-кой жителей мирной усадьбы, всю жизнь свою убившихъ на служеніе созданному ими себѣ кумиру. Для нихъ нѣтъ даже утѣшенія въ томъ, что храмъ разру-шенный — все храмъ, кумиръ повержен-ный — все Богъ. Ихъ кумиръ оказался кумиромъ на глиняныхъ ногахъ. Онъ разбился на мелкие черепки, и будутъ они служить весь остатокъ своей жизни этикетъ черепками.

Глубоко трогательно звучать заклю-чительныя слова Сони, для которой то-же промелькнула — было и сейчасъ же угасла заря ея сердечнаго увлеченія къ доктору Астрову, такъ какъ и его по-ступилось «разрушеніе», внесенное приѣз-домъ Серебряковыхъ, — онъ увлекся кра-сотой Елены, и искра теплившейся въ его сердцѣ любви къ Сонѣ потух-ла, быть можетъ, навсегда. «Будетъ трудиться для другихъ, — говоритъ она дядѣ Ванѣ, — в теперь, я въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашь часть, мы покорно упрямъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ скажется надъ нами, и мы съ тобой, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, ясную, мы обра-дуемся и на теверетнѣхъ нашихъ несча-стия оглянемся съ удивленіемъ и улыб-кой — в отдохнемъ». «Мы отдохнемъ» — вотъ тотъ заключительный аккордъ, ко-

торымъ заканчиваются сцены изъ дере-венской жизни, написанныя талантли-вымъ балетристомъ. И этотъ скорбный, тихій аккордъ звучитъ такъ искренно, что невольно хочется, страстно хочется ѡприть, что драма жизни, пережитая жи-телями деревенской усадьбы, была дѣ-ствительно ими пережитая, что дядя Ва-ня правъ былъ въ своихъ гитанныхъ рѣчахъ и гитанныхъ поступкахъ, что полу-Богъ, которому они все поклоня-лись и изъ-за котораго ждали свою сту-били, былъ все-таки достоинъ положе-нія, былъ лживымъ богомъ, но все же богомъ, а не глинянымъ кумиромъ на глиняныхъ ногахъ...

Авторъ далъ мало, слишкомъ мало ри-сунка въ изображеніи отставнаго профес-сора Серебрякова. Артистъ, исполнявшій роль Серебрякова, г. Лужскій, обратилъ вниманіе исключительно лишь на внут-реннюю сторону этого лица. Въ его из-браженіи отставной профессоръ вышлѣ-ходилъ манекеномъ, куклой на пружа-нахъ. Недостаточно обрисованная фигура профессора стала парриатурой. И ар-тиста, глядя на эту карриатуру, еще болѣе терялись въ мучительныхъ дога-дахъ, какъ могъ этотъ манекень быть когда-либо полу-Богомъ, въ честь котораго выражаться его власть надъ людьми, въ честь?

Изявляя основу содержанія «сценъ», я повѣрженно не сказалъ ни слова о любви дяди Вани ко второй женѣ про-фессора. Какъ, при какихъ обстоятель-ствахъ зародилась эта любовь, мы не знаемъ. Съ перваго же дѣйствія «сценъ» дядя Ваня любитъ Елену Андре-евну. Изъ его словъ мы знаемъ, что по-знакомился онъ съ ней еще до замуже-ства ея съ профессоромъ. «Десять лѣтъ тому назадъ, — говоритъ дядя Ваня, — я встрѣчалъ ее у покойной сестры. Тогда ей было 17, а мнѣ 37 лѣтъ. Отчего и тогда не влюбился въ нее и не сдѣлалъ ей предложенія? Вѣдь это было такъ возможно!... Но тогда дядя Ваня про-тесть много возможнаго счастья, а те-перь, когда она жена другого, онъ по-любилъ ее и полюбилъ тѣмъ болѣзнен-нѣе, чѣмъ болѣзненнѣе стали его отпо-шенія къ профессору. Повторяю, я на-мѣренно не упомянулъ объ этой любви, потому что она въ обществѣ укладѣ жизни дяди Вани является только э п из о д о мъ. Не будь этой любви, вся жизнь дяди Вани осталась бы точна въ точку той же «муд-ной» жизнью «муднаго» человека. Елена Андреевна не раздѣляетъ этой любви, съ агонизмомъ нелиблиней женщины она въ лицо говоритъ ему это и говоритъ при всякой попыткѣ со стороны дяди Вани вызвать у нея хоть тѣнь участія къ его любви. «Когда вы нѣтъ говорите о сво-ей любви, я какъ го тупѣю и не знаю, что говорить», — говоритъ она дядѣ Ва-нѣ. Мнѣ кажется, что это ненужная любовь дяди Вани къ Еленѣ задумана авторомъ для того, чтобы объяснить

3
безумный порыв. Ивана Войницкого и сцену столкновения его с профессором. Как раз перед этой сценой дядя Ваня становится невольным свидетелем того, как доктор Астров, тоже влюбленный по своему в Елену, пьет ее. Дальнейшие поступки дяди Вани, его быстрая злоба на профессора и два неудачных выстрела, могут быть объяснены подготовленным состоянием аффекта. Несомненно, такое впечатление и должно оставить на многих зрителей заключительная сцена 3-го действия. Но согласитесь, что этот либовый аффект дяди Вани в то же время значительно умаляет искренность ненависти его к профессору как к врагу. Весь крик наболтавшей души человека, всю жизнь своего убитого на слепое служение жгению, терять свою правдивость. «Ты погубил мою жизнь! — говорит дядя Ваня, — и не жаль, не жаль! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!» Она не любит меня, а любит другого и принадлежит вот этому, столетнему предку моему, старику, — слышим мы за произносимыми дядей Ваней словами, — я готов бы тебя впопья поставить на пьедестал и поклоняться тебе как полу-богу, если бы она полюбила меня! Эта любовь дяди Вани дает нам возможность повторить в искренность его аффекта, но как умаляет она искренность его приговора о полу-боге!

«Старый сухарь», «ученая побла», вся эта беспощадная критика ничтожества полу-бога, не вызваны ли они только ревностью, только болтливостью сознания того, что любимая или женщина принадлежит не ему, Ивану Войницкому, а этому полу-богу?..

В пересказе основы содержания «сцен» я вскользь лишь упомянул также о докторе Астрове, одном из наиболее характерно очерченных типов «сцен». Этот доктор Астров увлекается Еленой. Красота молодой женщины действует на него чисто внешним образом. Он силой пьет ее, сознавая, быть может, что Елена отравится. Он с известным сожалением прощается с ней, когда та уезжает, но вылет с тенью и радъ он отъезду. «Я увлекался, — говорит он ей на прощание, — целый месяц ничего не делал, а в это время люди болтали, в лесах моих, лесных порослих мужики пасли свой скот... Итак, куда бы ни ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение... Я шучу, конечно, но все же... странно, и я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное. И вы бы погибли, да и ваш бы... не одобровать. Ну, уезжайте. *Finita la comedia!*»

Доктор Астров — убежденный пессимист, но как все почти пессимисты в тайниках души своей носить бога- у

тыя залежи идеализма. «Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю», — говорит онъ и тутъ же задумывается надъ вопросомъ, упомянуть ли добрымъ словомъ его и ему подобныхъ работниковъ на нивѣ житейской, которые будутъ жить черезъ сто-двѣсти лѣтъ и для которыхъ они теперь пробиваютъ дорогу. Астровъ любитъ лѣса, онъ съ любовью, съ увлеченіемъ говорить о планахъ для общей культуры лѣсопосаждений. Несмыслитъ совершенно забывать только что провизсанныя имъ слова полнѣйшаго индифферентизма и какъ поэтъ говорить о посаженной имъ молодой березкѣ...

Мнѣ остается теперь поговорить о томъ, какъ исполняется «Дядя Ваня» артистами Художественно-общедоступнаго театра.

Объ игрѣ г. Лужскаго въ роли профессора Серебрякова я уже говорилъ. Я искренно сочувствовалъ бы артисту отказаться отъ утрировки этого и безъ того недостаточно обрисованнаго типа. Утрировкой яркости ему не придашь.

Жену профессора играетъ г-жа Книпперъ. И здѣсь мнѣ приходится прежде всего указать на слишкомъ приподнятое исполнение артисткой изображаемаго ею лица. Г-жа Книпперъ слишкомъ уже подчеркиваетъ «усталость» Елены Андреевны и доводитъ эту усталость до степени трагизма. Между тѣмъ Елена Андреевна самый будничныи типъ молодой женщины, безъ любви живущей рядомъ съ старымъ нелюбимымъ мужемъ. Про нее Войничъ говоритъ: «Полюбуйтесь, ходите и отъ лѣтъ шатаются». «Вы идѣлишь день жушите, все жушите — какъ не надоѣсть», — отвѣчаетъ ему Елена Андреевна, — я умираю отъ скуки, не знаю, что мнѣ дѣлать». Вотъ основная черта характера молодой женщины: «Не знаю, что мнѣ дѣлать». Мнѣ кажется, если бы г-жа Книпперъ отказалась отъ нотки трагизма и больше подчеркнула лѣнь, безвольность изображаемаго ею лица (припомните — нѣсколько разъ въ теченіе дѣйствія драмы она говоритъ о своей застѣнчивости, о томъ, что она «нудная», «спиздическое лицо»), то она могла бы создать прекрасный правдивый образъ жизненно-правдиваго типа, начертаннаго авторомъ.

Перехожу къ дядѣ Ванѣ, котораго изображаетъ г. Вишневскій. Дядя Ваня ему совершенно не удался. Ни по внѣшнему виду, ни по духовному, такъ сказать, облику, г. Вишневскій не былъ дядей Ваней. Дядя Ваня прежде всего умный, образованный человекъ, правда, онъ работалъ какъ простой приказчикъ въ имѣніи, но въ то же время онъ не переставалъ жить духовными интересами. Дядя Ваня, далѣе, вовсе не грубый, страстная натура, это скорѣе мягкій, нерѣшительный характеръ, тоже одинъ изъ «нудныхъ» людей. Его вспышка неудержимаго гнѣва, доводящаго его до покушенія на убійство, должна быть пароксизмомъ не-

врастеника, а не проявленіемъ грубой, сильной воли. «О, что я дѣлаю, что я дѣлаю!» говоритъ онъ послѣ неудачнаго выстрѣла. Пароксизмъ прошелъ, и дядя Ваня болѣзненно сознаетъ всю нецѣльность своего поступка. Только при такомъ толкованіи понятно отношеніе дяди Вани къ профессору послѣ выстрѣла. Онъ проситъ у него прощенія, и профессоръ, бывший его полу-богъ, опять беретъ верхъ надъ большой волей дяди Вани и даже снисходитъ до троекратнаго поцѣлуя при прощаніи. И дядя Ваня не только принимаетъ эти поцѣлуи, но и возвращается имъ.

Промелькнула вспышка стремленія сбросить съ себя цѣпи рабства, захватить своей самостоятельной жизнью, вспышка эта чуть-чуть не довела его до преступленія, и стрѣлы буши вновь захватили «нуднаго» человека, онъ смирился и только, когда онъ вновь остался съ Соней за нѣхъ обшаривъ рабочиѣ столѣ, изъ груди его вырвался стоиъ пережитаго отчаянія: «Дитя мое, какъ мнѣ тяжело! О, если-бы ты знала, какъ мнѣ тяжело».

Г. Ставпславскій — въ роли доктора Астрова и г-жа Лилена, въ роли Сони, ближе всего подошли къ замыслу автора. Исполненіе ихъ дышало той неподдѣльной правдой, которая такъ подкупающе дѣйствуетъ на зрителей и которая такъ необходима въ изображеніи правдивыхъ типовъ Ант. Чехова.

Поставлены «сцены изъ деревенской жизни» на Художественно-общедоступномъ театрѣ поистинѣ художественно.

Отъ каждой сцены такъ и вѣетъ настоящей, не театральной деревней. Какъ хороша, напр., превосходная декорация бѣлаго колоннаго съ хорами зала барскаго деревенскаго дома! Это именно одна изъ 26 копеекъ стараго помѣщичьяго дома. А какъ художественно просто и до мелочей живописно задумана картина рабочаго уголка дяди Вани. Илѣво за старымъ плетенымъ столѣмъ, заваленнымъ счетами и бумагами, работаютъ дядя Ваня и Соня, посредникъ у большой печки, перерѣзывающей комнату на двѣ части, на старомъ греслѣ помѣстилась со своимъ вязаньемъ старая няня, около нея «приживалъ» Телѣгинъ, тихо пангрывающій на гитарѣ, а тамъ, направо, за круглымъ столѣмъ съ низенькой лампой подъ абажуромъ сидитъ и читаетъ старуха Войничъ, «сидитъ глазомъ смотрящая въ огонь, а другимъ ищущая въ своихъ умныхъ книжкахъ зарю новой жизни».

И тихо, тихо въ комнатѣ. «Тишина. Перья скрипятъ, сверчокъ кричитъ. Тепло, уютно...», говоритъ утѣшающій Астровъ, и... тяжело, тяжело на сердцѣ дяди Вани и его непознанный помощникъ Сони. Но наступитъ часъ, и снимется съ сердца ихъ тяжесть и наступитъ для «нудныхъ» людей желанный отдыхъ.